

Павел Бычков

«Политическое» и поэтическое

ОБРАЗ ТЕЛА ГОСУДАРСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIV–XV ВЕКОВ

Pavel Bychkov

The «Political» and the Poet: The Image of the Body Politic
in the English and French Poetry of XIV–XV centuries

Павел Бычков

Институт всеобщей истории РАН, научный сотрудник отдела исторической антропологии ИВИ РАН; кандидат исторических наук
rumblebuffin@yandex.ru.

Ключевые слова: метафора, политическое тело, средневековая поэзия, государство, сословия, Франция, Англия, Джон Гауэр, Эсташ Дешан, Джон Лидгейт

УДК: 94(4)

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_86

Поэтические тексты не часто воспринимаются медиевистами как источники, в которых можно почерпнуть информацию о политических идеях и теориях. Тем не менее в Европе XI–XIII веков сформировалась особая литературная традиция, зародившаяся в лоне Шартрской школы: в поэтической форме видные средневековые богословы высказывались о философии, естествознании, а также на тему государственного и общественного устройства. В позднее Средневековье появились продолжатели этой традиции — уже не только клирики, но и придворные интеллектуалы, создавшие произведения самых разных жанров: аллегорические поэмы, сатирические произведения, моральные баллады, восходящие к античной басенной традиции. Как в Англии, так и во Франции такие авторы, как Эсташ Дешан, Джон Гауэр, Кристина де Пизан и Джон Лидгейт, прибегали в своей поэзии к одному важному образу — политического тела. При помощи этой метафоры они формулировали свой оригинальный взгляд на социальное устройство в целом, но также использовали образ политического тела для того, чтобы отразить конфликты и проблемы, беспокоившие общество той эпохи. В данной статье автор анализирует в диахроническом ключе образ политического тела, рассматривает, как развивалась интерпретация этой метафоры параллельно в французском и английском политико-философском дискурсе.

Pavel Bychkov

Institute of World History, Department of Historical Anthropology and History of Everyday Life, Russian Academy of Sciences, researcher; PhD in History
rumblebuffin@yandex.ru.

Keywords: Metaphor, body politic, medieval poesy, state, estates, France, England, John Gower, Eustache Deschamps, John Lydgate

UDC: 94(4)

DOI: 10.53953/08696365_2026_198_2_86

Historians do not often perceive medieval poetry as a source of information about political theories and ideas. Nevertheless, in XI–XIII centuries, an outstanding literary European tradition was born in the orbit of the Chartres school: prominent medieval theologians spoke in poetic form about philosophy, natural science, as well as on the topic of state and social structure. In the late Middle Ages, the successors of this tradition appeared — not only clerics, but also court intellectuals who created works of various genres: allegorical poems, moral ballads, satirical works based on the ancient fable tradition. Both in England and in France, authors such as Eustache Deschamps, John Gower, Christine de Pisan and John Lydgate employed one specific image in their poetry — the metaphor of the body politic. With the help of this metaphor they constructed their own original views on social structure in general as well as using the image of the body politic to reflect on conflicts and problems that required attention of the society of said period. In this article author analyzes diachronically the evolution of the image of the body politic, examines how the interpretations of this metaphor were developing simultaneously in English and French political discourses.

Для современного читателя средневековые политико-философские произведения, созданные церковными авторами и юристами, вряд ли представимы в поэтической форме. Тем не менее в Западной Европе XI–XIV веков сформировалась особая литературная традиция, в рамках которой богословские и политико-философские идеи находили выражение в стихотворной форме. Поэзия как философский жанр получила наиболее яркое развитие во время «ренессанса» XII века, особенно в лоне Шартрской школы¹, но сохранилась в литературе Англии и Франции и в последующие века. Помимо поэм, излагавших философские идеи античных авторов и затрагивавших темы устройства Вселенной или религиозной истории, появляются и такие, которые касаются вопросов социального устройства (идеального и реального), вопросов взаимоотношений правителя и подданных, роли сословий и социальных групп в государственном организме. Поскольку политический язык, на котором подобные идеи могли бы быть адекватно высказаны, еще не сложился, то средневековые авторы обращаются к различным античным образцам, которые могут дать им необходимый инструментарий. Это не только Платон, Цицерон и Аристотель, но и другие авторы, например Пруденций или Марциан Капелла, породившие новый средневековый жанр — аллегорическую поэму. Именно такие тропы, как аллегория или метафора, активно использовались интеллектуалами в Средние века для социальной и политической рефлексии, поскольку они позволяли образно осмыслить современную им политическую реальность, оставаясь тем временем в области художественного вымысла и иносказания. Взаимодействие художественного текста и политического комментария не было свойственно исключительно Средним векам — такие влиятельные авторы, как Овидий, Вергилий и Гораций, не оставались в стороне от политических событий своего времени. Многие образы, которые средневековые авторы почерпнули из античных образцов, использовались как риторические приемы в речах политиков уже в римскую эпоху — одним из таких стала метафора тела государства. Исследования в этой области были начаты историком середины XX в. Эрнстом Канторовичем в его хрестоматийной монографии «Два тела короля», однако с момента ее первой публикации в 1957 году его исследовательский подход неоднократно подвергался критике. Канторович генеалогически возводит концепт политического тела к образу мистического тела Церкви, что не совсем верно, а также рассматривает его в качестве синонима «сакрального тела» короля². Как будет продемонстрировано в этой статье, политическое тело в рассматриваемый период, напротив, являлось удобным способом изобразить социальную и политическую структуру, не привязанную к персоне монарха.

-
- 1 См.: *Воскобойников О.С.* Шартрская школа: авторы, тексты, проблемы // Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Сост. О.С. Воскобойников, пер. О.С. Воскобойникова, Р.Л. Шмаракова, П.В. Соколова. М.: Наука, 2018. С. 309–311.
  - 2 См.: *Канторович Э.* Два тела короля: Исследования по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серединой. М.: Издательство Института Гайдара, 2015; *Воскобойников О.С.* Сколько тел у короля? // Логос. 2014. № 3 (99). С. 279–288; *Бойцов М.А.* Три книги Канторовича // Канторович Э. Указ. соч. С. 7–57; *Вигарелло Ж.* Тело короля // История тела: В 3 т. / Пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 297–314.

Одним из важных античных литературных сюжетов, к которому будут прибегать английские и французские авторы позднего Средневековья, была притча «Живот и части тела», акцентирующая внимание читателей на зависимости остального тела от небольшого органа, в данном случае — желудка, метафорического аналога государственного аппарата. В «Истории Рима» Тит Ливий рассказывает о том, как во время первой сецессии (то есть исхода из города) плебеев сенаторы отправили к ним консула Менения Агриппу. Тот, рассказав притчу о бунте частей тела против живота, якобы смог убедить войска вернуться и не совершать никаких действий по отношению к сенаторам:

...когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, <...> возмутились другие члены, что все их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середке, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других. <...> разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы, а желудок равномерно по жилам отдает ее всем частям тела (История Рима от основания города. II. 32. 9–12).

Мария Французская, автор «Изопета» («Ysopet», «Малого Эзопа»), сборника XII века из 102 басен, заимствованных по большей части из «Ромулов» и «Авионнетов», пересказала в стихах эту притчу о животе и частях тела, и, скорее всего, французские и английские авторы XIV–XV веков были знакомы с ее произведениями. Подобные сборники басен, «изопеты», наследующие традиции Эзопа и Авиана, были очень популярны в XII–XIII веках во Франции («Изопет Лионский», «Изопет Парижский», «Изопет Шартрский» и др.), а народные истории, фаблю с животными в качестве действующих лиц, будут во многом преемниками этой традиции. Как и в других подобных историях, руки, ноги и голова в версии Марии Французской решают лишиться пропитания «носимый ими» живот за то, что он не хочет работать. Все тело вскоре ослабевает, и раскаявшиеся конечности, почувствовав это, предлагают животу еду и питье, но их неразумное поведение губит все тело. Излагая мораль этой басни, Мария Французская вновь, как античные авторы, предлагает ее политическое истолкование, но уже в актуальном феодальном контексте:

Этот пример может человеку показать,
 Что каждый свободный человек должен знать:
 Тот не имеет чести и навеки опозорен,
 Кто собственного оскорбил сеньора,
 Но так и сам унижен господин,
 Коль собственных людей он оскорбил;
 Так один в другом всегда нуждается,
 И с ними обоими беда приключается³.

С одной стороны, таким образом аргументируется необходимость для рыцаря со всем тщанием беречь главное сокровище своего сословия — честь, то есть

3 «Cest essample puet hum veoir, / chescuns frans huem le deit saveir: / nuls ne puet mie avoir honur, / ki hunte fet a sun seignur, / ne li sire tut ensement, / pur qu'il vueille hunir sa gent; / se li uns a l'altre est failliz, / ambur en ierent mal bailliz». *Marie de France*. Die Fabeln der Marie de France / Hg. von Karl Warnke. Halle: Max Niemeyer, 1898. S. 92.

быть преданным своему господину. С другой стороны, в традиционной манере средневековой поэзии звучит призыв к сеньору быть щедрым к своим вассалам, опекать и покровительствовать им и помнить об оммаже, о связи, которая существует между ними⁴.

Сюжет о бунте конечностей или органов тела против живота или головы получит свое поэтическое воплощение и во французской литературе второй половины XIV века. Так, во многих поэтических произведениях Эсташа Дешана (1346–1406) обсуждаются актуальные социальные и политические вопросы, его творчество представляет из себя некое сочетание сатиры (например, его «шутливые речи»⁵), аллегорической и дидактической поэзии (например, моральные и королевские баллады). Политические взгляды Дешана формируются под влиянием философии Аристотеля, для него политика невозможна без этической составляющей. Как пишет Л.В. Евдокимова, «спасение государства и благополучие отдельного человека для Дешана <...> зависят от утверждения существующего порядка, удовлетворенности каждого сословия и каждого человека своей долей»⁶.

В одной из своих баллад (252) поэт рисует государство, где нарушен изначальный порядок и все части приведены в болезненное и дисгармоничное состояние, и для этого он обращается к басне Тита Ливия. Восстание частей тела против желудка породило хаос: «...одно с другим смешалось, отец и сын, сеньор убил своего серва, / Город разрушен, и разорена страна»⁷, «ноги и ступни уничтожены и сожжены», «живот умер», и «главы» не могут восстанавить свои конечности, поскольку «один без другого не может долго протянуть»⁸. Любопытно, что он приходит к примерно тем же выводам, что и Мария Французская: глава и части тела обязаны заключить союз, впрочем, сеньор «должен защищать свое право» (*il doit son droit garder*) в случае, если на его власть покушаются подданные. Заключительная строфа, как и во многих других балладах Дешана, содержит наставление читателю, как следует поступать: «Главы должны свои части тела любить и супротив закона (*droit*) их не отсекают, / И голове все из них [частей тела — П.Б.] должны быть покорны»⁹.

В балладе 1056 происходит диалог головы и конечностей, где они обвиняют друг друга в том, что стали причиной болезни всего тела. Баллада начинается с реплики головы: она вопрошает остальное тело, как ей следует посту-

4 В начале XIII века, помимо многочисленных изопетов во Франции, эту басню пересказывают как Винсент из Бове в «Speculum historiale», так и английские авторы, например Александр Неккам в «Novus Aesopus». Об использовании этой басни позднее, в XVI–XVII веках, см.: *Harf-Lancner L. L'isopet médiéval et la fable de La Fontaine: Les Membres et l'Estomac // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 1998. № 10. P. 39–45.*

5 См.: *Евдокимова Л.В. Французская поэзия позднего Средневековья (XIV — первая треть XV века). М.: Наука, 1990. С. 112.*

6 Там же. С. 118.

7 «...l'un l'autre mesler, / Le père au fil, seignour son serf tuer...» *Deschamps Eustache. Balade CCLII // Œuvres complètes de Eustache Deschamps: In 11 vols. / Eds. Gaston Raynaud and Henri Auguste Edouard, le marquis de Queux de Sainte-Hilaire. Vol. II. Paris: Firmin Didot et Cie, 1878. P. 89, v. 4–5.*

8 «Quant jambe et piet seront destruit et ars... / Ventre mourra, li chiefs ... ne pourroit pas ses membres recouvrer.../ L'un sanz l'autre ne puet longues durer». *Ibid. P. 90, v. 17–19.*

9 «Princes, li chiefs doit ses membres amer, / Et contre droit ne les doit entamer, / Et le chief doit d'eulx tous estre obeis...». *Ibid. v. 35–37.*

пить, чтобы излечиться от недуга? Здесь притча о бунте органов и конечностей дополняется характерным для поэзии Средневековья мотивом диспута между головой и телом (ср. спор души и тела, разума и души и пр.). Тело отвечает:

...Вы отсекали от себя
 Правильные (*droiz*) части тела, которые вас поддерживали,
 Чужие руки не могли помочь вам,
 — Сказало тело, — поскольку от меня вы оторвали
 И ноги, и плечи, и весь правый бок
 И со мной связали члены совсем другие,
 Которые меня всего ломают и портят ваше здравие¹⁰.

Каждая строфа баллады заканчивается рефреном, воспроизводящим вопрос главы к собственному телу: «О, тело, милый друг, скажи мне, что же надо сделать?» Если у Тита Ливия и у Марии Французской верховную власть символизировал желудок, то у Эсташа Дешана правитель ассоциируется исключительно с головой политического тела. В чем же причина бедствий, постигших Французское королевство? Поэт считает, что основная вина лежит на монархе и его окружении: в балладе тело обращается к голове с обвинениями, что она заменила «природные» на «чужие ноги, что теперь как псы и свиньи, / Которые не стремятся быстро схватить свою добычу»¹¹, а то, что руки этого тела «хватают, достается врагу». Тело упрекает голову в том, что она забросила свои «живые и золотые» конечности, которые являются «вашими истинными сокровищами, / Соединенными с вами и в горе, и в радости»¹².

Части тела, данные с рождения, связаны с головой кровообращением и могут существовать с ней лишь во взаимозависимых отношениях: «Они [части тела — П.Б.] вам необходимы так же, как и я необходимо», — говорит тело, и глава не может отсечь от себя неуютные части тела и органы, «поскольку с головой конечности находятся в родстве»¹³. Таким образом, Дешан подвергает критике политику двора, который пренебрегает нуждами и интересами подданных, преследуя только свою выгоду. В последней четверти XIV века, когда предположительно были написаны баллады Эсташа Дешана, при несовершеннолетнем короле Карле VI правили регенты — герцоги Филипп Бургундский, Людовик Анжуйский и Жан Беррийский. Большая часть их деятельности была направлена не на усовершенствования внутри страны, а на введение новых налогов и ведение военных кампаний против англичан и даже итальянцев, что, скорее всего, вызывало негодование поэта. Вопрос о правомерности военных поборов был самым обсуждаемым в последней четверти XIV века как в высших слоях французского общества, так и среди представителей «третьего сосло-

10 «...vous avez bouté hors / Les droiz membres dont je vous soustenoie, / D'estranges mains aidier ne vous pourroye, / Ce dist le corps, car vous m'avez osté / Jambes et bras et le destre costé / Et m'avez joint membres d'atre paraige / Qui m'ont destruit et a vous la santé». *Idem*. Balade MLVI (Dialogue entre la tête et le corps) // Œuvres complètes de Eustache Deschamps. Vol. V. Paris: Firmin Didot et Cie, 1887. P. 345, v. 3–9.

11 «Estranges piez sont comme chiens et pors / Qui ne servent fort de happer leur proye...». *Ibid.* v. 13–14.

12 «Naturelment, c'est vostre drois tresors, / Conjoins a vous et a dueil et a joye...». *Ibid.* v. 23–24.

13 «Car au chief don't les membres de linaige». *Ibid.* v. 28.

вия», становясь причиной городских и сельских восстаний. Таким образом, начало правления Карла VI оказалось крайне тяжелым для податных сословий: сельская местность была разорена недавними военными походами Бертрана Дюгеклена со стороны французов, Эдварда «Черного принца» и Джона Гонта со стороны англичан, а подати лишь возрастали¹⁴. В конце второй строфы подводятся итог, почему нормальные отношения главы и тела в данный момент невозможны: «Силен поскольку есть живот, ослаблена — глава»¹⁵.

Однако не все описания тела государства базировались на античной традиции, не менее популярным было обращение к схожим образам из библейских текстов. Первое сравнение государства с телом содержится в одной из книг Ветхого Завета, в видении Навуходоносора из Книги пророка Даниила:

У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Камень <...> оторвался от горы, <...> ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них... (Дан 2:31–35)

В библейском тексте истукан символизирует государство, а именно Вавилонское царство, которому суждено будет пасть в годы возвышения Персидской империи. Точно так же, как голова соотносилась с фигурой правителя, ноги в средневековой литературе приобретут твердую ассоциацию с крестьянством — именно оно находилось в основании иерархической сословной пирамиды, именно *laboratores*, трудящихся, характеризовал ручной, физический труд земледельца, в силу таких характеристик они оказывались «ближе к земле».

«Видение Навуходоносора» по-новому интерпретирует в конце XIV века английский поэт и юрист Джон Гауэр (1330–1408), современник и друг Джеффри Чосера. В аллегорической поэме на латинском языке «*Vox Clamantis*», «Глас вопиющего», он рефлексирует о недавнем крестьянском мятеже Уота Тайлера, попутно описывая те сословия и объединения, из которых состоит английское общество последней четверти XIV века. Безусловно, в свете недавних событий, его волнуют «ноги» государства, которые высказали недовольство верховной властью и тем самым пошатнули социальные устои всего мирового порядка. В начале произведения Гауэра восставшие крестьяне превращаются в обезумевших животных, которые отказываются тянуть за собой плуг и подчиняться человеку. В третьей книге поэмы автор изобличает грехи клириков, в четвертой — порочность монахов. Обвинения Гауэра вполне в традиции критики Церкви того времени, мы находим ее и у Джона Уиклифа, и у Уильяма Ленгленда и др. Пятую книгу поэт посвящает прегрешениям рыцарства, городского сословия и крестьянства, а предпоследняя делится на две части — в первых шести главах Гауэр бичует пороки юристов (к которым сам принадлежал по роду полученного им образования) и королевских чиновников, а остальные главы этой книги исследователи часто называют «королев-

14 См.: Фавье Ж. Столетняя война / Пер. М. Некрасова. СПб.: Евразия, 2009. С. 356–358; Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989. С. 88–90, 122–127.

15 «Fors que ventre est et le chief desolé». *Deschamps Eustache*. Balade MLVI (Dialogue entre la tête et le corps)... P. 345, v. 19.

ским зеркалом»¹⁶, то есть они являются наставлениями для правителя в духе «Поликратика» Иоанна Солсберийского.

В 1159 году английский схоласт Иоанн Солсберийский в V книге «Поликратика» помещает так называемое письмо Плутарха, которое современные исследователи назвали «Наставлениями Траяна» («*Institutio Traiani*»)¹⁷. В этом мистифицированном «письме» римский историк и философ якобы обращается к императору с увещаниями, рекомендуя, чтобы он правил строго, но добродетельно и прислушивался к наставлениям советников. В своих поучениях схоласт сравнивает государство с телом, где духовенство выполняет роль души, а монарх занимает место главы государства. Как и у Солсберийца, в поэме Гауэра, там, где речь идет о правильном управлении государством, появляется метафора тела: «Нездоровая голова заставляет члены страдать: / Когда вождь сбивается с пути, то блуждает и народ его тоже, / А дорога, которой они вернутся, еще более неясна»¹⁸. Грехи, поразившие английское общество, Гауэр сравнивает с эпидемией, а больное тело государства описывается схожим с Дешаном образом: «Под немощной головой всем членам не хватает здоровья, / И нет врача, который бы удовлетворил теперь их нужды»¹⁹.

Последняя книга поэмы призвана подытожить моральный кризис английского общества, описанный Гауэром в предыдущих частях, — именно здесь и появляется истукан из видения Навуходносора. Поэт обращает особое внимание на ноги королевства, которые символизируют пороки подданных монарха. Нижние конечности становятся в интерпретации Гауэра средоточием греха, он пишет: «Теперь золотая глава статуи “Навухода” отколота, / Но две ноги ее, глиняная и железная, еще стоят: / Благородные отпрыски злата покидают ныне сей мир, / И нищих им взамен порождает себе железо»²⁰. Две ноги колосса, созданные из разных материалов, поэт трактует иначе, чем в Книге пророка Даниила: здесь они являются символами двух главных грехов. Хрупкость глины является метафорой развращенности рыцарства, духовенства и придворных, пораженных грехом похоти (*luxuria*), а железо становится знаком жестокосердия грешников-корыстолюбцев (*avaritia*). Гауэр говорит о том, что образы, содержащиеся в Библии, даны для того, чтобы истолковать бедствия, постигшие Англию в данный момент, через библейский символизм он старается интерпретировать восстание 1381 года и его последствия. Пороки, в кото-

16 См.: *Born L.K.* The Perfect Prince: A Study in Thirteenth- and Fourteenth-Century Ideals // *Speculum*. 1928. Vol. 3. № 4. P. 470–504; *Wickert M.* Studies in John Gower / Trans. by Robert J. Meindl. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2016. P. 110–133.

17 См.: *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri 8 / recognovit et prolegomenis, apparatu critico, commentario, indicibus instruxit Clemens C.I. Webb.* Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1909. V. 1. Lib. V. Cap. 1. P. 282–283.

18 «...caput infirmum membra dolere facit: / Dux si perdat iter, errant de plebe sequentes, / Et via qua redient est dubitanda magis». *John Gower. Vox Clamantis* // The complete works of John Gower: In 4 vols. / Ed. by G.C. Macaulay. Vol. 4. Oxford: Clarendon Press, 1902. P. 243–244.

19 «Infirmo capite priantur membra salute, / Non tamen est medicus qui modo curat opus». *Ibid.* P. 245.

20 «Nunc caput a statua Nabugod prescinditur auri, / Fictillis et ferri stant duo iamque pedes: / Nobilis a mundo nunc desinit aurea proles, / Pauperies ferri nascitur atque sibi». *Ibid.* P. 272.

рых погрязли сословия, источили изнутри людей, поэтому ноги, на которых покоится основание государства, стали более хрупкими, чем глиняные горшки, в силу этой извращенности они легко разбиваются и провоцируют крушение всего социального организма²¹. Библейскую метафору, направленную против нечестивых правителей и завоевателей, Гауэр полностью переворачивает: вина за неурядицы в королевстве в основном возлагается на подданных короля, которые своим недостойным поведением ослабляют все тело и подвергают опасности не только себя, но и всех, включая правителей.

Как и в Англии, последняя четверть XIV и первое десятилетие XV веков во Франции — это период социальной нестабильности, восстаний и конфликтов внутри общества, время наибольшей слабости французской монархии. Правление Карла VI началось с городских восстаний 1382 года, которые перекинулись и на юг Франции. Затем, в 1392 году, у короля начали проявляться первые признаки психического расстройства, а после «бала пылающих» 1393 года его приступы болезни не позволяли ему полноценно осуществлять функции монарха, и вся власть перешла к королевской курии — в «периоды отсутствия» Карла VI формальным регентом становилась его супруга Изабелла Баварская²². Влияние, которое имел при дворе Изабеллы Людовик Орлеанский, еще один сын Карла V и младший брат короля, все более раздражало его двоюродного брата и основного соперника — герцога Бургундского Жана Бесстрашного, боровшегося за контроль над королевским советом²³.

Вскоре это напряжение между двумя принцами крови перерастет в гражданскую войну между бургиньонами и арманьяками, на сломе столетий подобный раскол между самыми влиятельными французскими магнатами при ослабшей власти монарха воспринимался современниками весьма болезненно. Одним из авторов, который старался найти выход из сложившейся общественно-политической ситуации, была Кристина де Пизан, автор нескольких как поэтических, так и прозаических политико-философских сочинений.

К метафоре политического тела она обращается несколько раз — в трактатах «Книга о политическом теле» (1406–1407) и «Книга о мире» (1412–1414)²⁴, однако впервые этот образ в ее творчестве появляется в «Книге о пути долгого учения» («*Le livre du chemin de long estude*», 1402–1403). В этой аллегорической поэме, помимо автобиографических сведений или рассуждений о науках и знании, которое автор приобрела за свою жизнь, немалое место уделяется состоянию мира, как и в поэме Гауэра, погрязшем во грехе, а также конкретно состоянию Французского королевства в годы написания этого произведения. «Книгу о пути долгого учения» можно назвать первым политико-философским произведением Кристины де Пизан, где она обращается к верховной власти с наставлениями о правильном управлении страной. В главе, где говорится о тех добрых нравах, которых должен придерживаться богобоязненный правитель, Кристина де Пизан вводит образ политического тела.

21 См.: Ibid. P. 276.

22 См.: Adams T. *The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. P. 73–149.

23 См.: *Famiglietti R.C. Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392–1420*. New York: AMS Press, 1986. P. 42–43.

24 Бычков П.С. Структура идеального социума в «Книге о политическом теле» Кристины де Пизан (1406–1407 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135) (URL: <https://history.jes.su/s207987840030199-7-1/>).

Начав главу с утверждения, что тот правитель прославлен, который направляет свои усилия на достижение «общего блага» (*bien de la chose publique*), она вспоминает произведение Иоанна Солсберийского: еще Плутарх, пишет Кристина, описал общественную гармонию как живое тело, управляемое разумом и порядком²⁵. В этом теле правитель становится главой, а подданные — членами тела. В отличие от автора «Поликратика» писательница не уточняет, какие части политического тела соотносятся с сословиями и чинами, но подчеркивает, что части тела должны подчиняться главе, сосуществовать в согласии и быть ведомыми главой, то есть разумом, в этом теле государства²⁶. Для нее принципиальными аспектами существования политического тела являются гармония и мир, к которым она будет возвращаться и в других своих сочинениях.

В первой четверти XV века и в Англии несколько авторов снова обращаются к наследию Иоанна Солсберийского. Как и Эсташ Дешан, английские поэты используют метафору политического тела, чтобы описать социальное устройство. Так, концепт политического тела полностью структурирует анонимную поэму «Описание частей тела человека» («The Descryvng of Mannes Membres»), предположительно созданную клириком, участвовавшим в политической деятельности английского парламента. В начале «Описания» автор рисует образ индивида-микрокосма: человек вбирает в себя разные элементы мира, а функции его органов и частей тела сопоставляются с сословиями и социальными институтами²⁷.

Главным органом для поэта является глава, сравнивающаяся с монархом: «Поскольку он — владыка-суверен всего, / И четыре вещи у него в управлении: / Рот и нос, и глаза оба»²⁸. Другие помощники главы-короля — это слух и воображение, возглавляющие совет (*counseil*) и подчиняющиеся мозгу (*brayn*). Автор «Описания частей тела» очень строго следует вертикальной органо-логической модели и сравнивает шею человека с правосудием: «Я сравню шею, мощи полную, / Что тело и главу соединяет воедино, / С судьей, что справедливо судит»²⁹. Подобную аналогию он обосновывает тем, что именно из гортани «исходят все слова мудрости», и тем, что находящиеся в подчинении у знати вилланы несут знак своего рабского состояния именно на шее, она же становится той частью тела, на которую будет возложено справедливое возмездие за кражу или убийство³⁰. Анонимный автор, следуя за Иоанном Солсберийским, включает в социальную иерархию духовенство. Оно более не одухотворяет политическое тело, прелаты даже не ставятся наравне с королями и императорами — духовенство просто является одним из сословий, находящихся под управлением головы: «Я сравню человеческую грудь / С добрым священством»³¹.

25 *Christine de Pisan. Le livre du chemin de long estude: pub. pour la première fois d'après sept manuscrits de Paris. Berlin: R. Damköhler; Paris: H. Le Soldier, 1881. P. 233.*

26 *Ibid. P. 233–234.*

27 *Anon. The Descryvng of Mannes Membres // Twenty-six political and other poems (including «Petty Job») from the Oxford mss. Digby 102 and Douce 322. P. 64.*

28 «The heued, y likne to a kyng, / For he is lord souereyn of al, / Haþ foure to his gouernynge: / Mouþ and nose, and eyen wyþ-al...» *Ibid.*

29 «I lykne þe nekke, moche of myzt, / Þat body and heued to-gydre knyht, / To a Iustice þat demerþ ryht». *Ibid. P. 65.*

30 *Ibid.*

31 «Now I lykne mannys brest, / To presthod in good degree». *Ibid.*

Руки в поэме традиционно сравниваются с воинами, защищающими все остальные сословия и социальные группы, однако здесь наблюдается интересная стратификация свободного населения, имеющего право носить оружие: в отличие от Франции оно не гомогенно, а имеет внутри себя различные страты. «Плечи и позвоночник / Я сравню с лордами страны, / А руки с рыцарями, что бьются с хамами, / Эсквайров я сравню с кистями, / А пальцы — с йоме-нами, что спереди идут / С кривыми луками и блещущими мечами», — пишет автор поэмы³². Вертикальная структура общества сохраняется в самом строе-нии рук: ближе всего к королю находится знать, а заканчивается описание йоменами — свободными крестьянами, участвовавшими в войнах как лучники и члены народного ополчения. Можно заметить, что идея самой аналогии — это необходимость совместного, коллективного мирного сосуществования в гармонии и взаимопомощи: «Пока все эти члены вместе существуют, / И тело тоже будет в добром здравии»³³.

Горожане, чиновники и крестьяне в этом политическом теле выступают в роли нижней части туловища и ног, при этом каждой социальной группе да-ется отдельная характеристика. Ребра, «скрытые плотью и кожей в теле», яв-ляются законниками, поскольку они «держат в гармонии [любви] обе сто-роны» тела; купцы называются бедрами именно по роду своей деятельности — «они несут на себе вес тела» и «в опасные странствия отправляются и отбы-вают»³⁴. Ноги имеют четырехчастное деление: сверху — торгующие, ниже рас-положены «ремесла, совершающиеся руками»³⁵, за ними идут земледельцы, и замыкают этот ряд «слуги».

Как и торговцы, ремесленники «поддерживают все тело так же, как дерево держит ветви», а земледельцы сравниваются со ступнями, поскольку они «па-шут и копают глину» и «весь мир на них стоит»³⁶. Пальцы на ногах сопоста-вимы с «верными слугами, которые работают в засуху и в мокреть, испытывая жажду, голод и боль, в жару и в холод, под снегопадом и дождем», они редко едят мясо и не пьют вина³⁷. Хотя крестьяне расположены в политическом теле ниже всех, в духе средневековой дидактики автор утверждает, что без них ни стоять, ни бежать, ни прыгнуть, ни сражаться оно не может: мораль этого на-блюдения состоит в том, что если «слуга господину не подчинится, / То жизни слугу точно лишат. / И господа, если они мудры, без слуги не живут»³⁸.

Приступая к описанию чрева, автор решает рассказать уже знакомую нам притчу Менения Агриппы. В этом варианте притчи чрево молит рот перестать есть и пить, поскольку его замучили боли, вслед за этим глаза, уши, руки и

32 «Þe shuldres and þe bakebon, / I likne to lordis of þe lond; / Þe armes, to knyghtes, to fende fro fon; / Þe squyers, I likne to þe hondes; / Þe fyngres, to zemen þat byfore gon / Wiþ bent bowes and bryzt brondes». Ibid.

33 «While all þys lymes arn wel at on, / Þe body, in good plyt it stondes». Ibid.

34 «I likne þe thies, flesh and bon, / Þat beren þe body quantite, / To marchaundes, in perile ride and gon». Ibid. P. 66.

35 «...all craftes þat worche wiþ hands». Ibid.

36 «To alle trewe tylyers of landes, / Þe plough, and all þat dygge in clay; / Alle þe world on hem standes». Ibid.

37 «The toes of þe mennys feet, / Þo y likne to trewe hyne / Þat trauayle boþe in drye and weet, / In þurst, in hungere, and in pyne, / In het, in cold, in snow and slet...» Ibid.

38 «Zif seruant þe maystere refuse, / Þe seruant lyuyng sone were gon. / And maystres, þouþ þey ben wyse, / Wiþ-out seruant lyue not alon». Ibid.

ноги отказываются кормить чрево и «расторгают сделку». Конечности обращаются ко рту с просьбой дать им отдохнуть три дня, на что тот в гневе отвечает, что не будет пережевывать мясо и проглатывать вина в эти три дня, чтобы наказать их. Когда рот перестает кормить остальные органы, те начинают упрашивать его вновь начать есть, но рот возражает, говоря, что и в минуты насыщения, и во время поста части тела постоянно выражают недовольство.

Решением проблемы для всех органов видится умеренность, что подводит читателя к морали притчи: «Сравню я королевство в хорошем состоянии (*astate*) / С сильным человеком в добром здравии, / У которого ни один из членов другого не ненавидит»³⁹. Слово «состояние» здесь употреблено не случайно — однокоренное с ним латинское слово *status* означает то положение, которое должен занимать каждый член социума, — именно сохранение социального порядка и обеспечивает социальную гармонию, «доброе состояние» политического тела. В противоположном случае, если члены тела спорят друг с другом, продолжает автор «Описания», то тело ослабевает и заболевает, чего только и ждут его враги. Гармоничное сосуществование всех членов тела — порядок, задуманный Богом, и тот, кто отказался от пороков, у кого все части тела находятся в гармоничном и здоровом состоянии, может надеяться на спасение в вечной жизни⁴⁰.

Порядком расположения в теле государства сословий и социальных групп был озабочен и Джон Лидгейт (ок. 1370–1450), поэт-бенедиктинец, автор чосеровского круга. В первой половине XV века он создал свой *magnum opus* — поэму «Падение принцев» («The Fall of Princes», 1431–1438), которая появилась под воздействием двух произведений более крупных авторов. Лидгейт черпал вдохновение из латинского сочинения Джованни Боккаччо «О несчастьях знаменитых людей» («De casibus virorum et feminarum illustrium»), в частности, из французского перевода этого произведения и из «Кентерберийских рассказов» своего соотечественника Джеффри Чосера — из эпизода «Рассказ монаха», где говорится о превратностях Фортуны и перечисляются различные несчастья, которые могут постигнуть человека в жизни.

Поэма была заказана Хамфри, герцогом Глостером, лордом-наместником Англии, дядей короля Генриха VI, которому автор даже посвятил первые строки своего произведения. В этом произведении Лидгейт перечисляет от первого лица, ссылаясь на своего предшественника Боккаччо, все несчастья, приключившиеся с представителями человеческого рода, от Адама и Нимрода до папы Бонифация VIII и короля Филиппа Красивого. Во второй книге поэмы рассказывается о древнееврейских царях, Сауле и Ровоаме, которые лишились своего царства из-за своей порочности и глупости. Она задумана как наставление для современных правителей и «принцев» (очевидно, таких, как герцог Хамфри): примеры потерпевших поражение, пишет Лидгейт, должны послужить для всех остальных предостережением от ошибок. В главе («A Chapitle descryuung how prynces beyng hedis of ther comountees...»), посвященной правильному управлению, Лидгейт рассуждает о социальном устройстве: по его мысли, общество устроено изначально мудро и справедливо, подобно тому, как расположены органы и конечности в теле человека.

39 «I likne a kyngdom in good astate, / To stalworþe man, myzty in hele. / While non of his lymes ober hate...» Ibid. P. 68.

40 Ibid.

Голова и части тела «распределены в том истинном порядке (*ordre*), как задумала Природа / Так, чтобы все ошибки могли быть искусно отсечены / Глава исконно поставлена наверх, как известно, / Тело — посреди, ступни — ниже всех»⁴¹. Поэт начинает описание социального организма с головы: «Могущественные принцы в силу прославленности своей / Как более всех достойные занять место главы должны»⁴². Благодаря мудрости и дальновидности те, кто поставлен во главу, могут видеть дальше других членов общества, чтобы не допускать ситуаций, в которых могут пораниться их «конечности» и «ступни». Естественно, руки и кисти политического тела Лидгейта — это те, кто «могут называться благородным сословием рыцарства» (*shal be named noblesse off cheualrie*), они защищают тело от иноземных врагов, покровительствуют вдовам и девам и охраняют Церковь.

От конечностей поэт вновь возвращается к голове:

Мудрые судьи, поскольку истинно и правильно
Наказывать несправедное и бесстыдство усмирять,
В подобии этом занять место взора должны:
Для любви или ненависти, для погибели или праведности,
Для друзей или для тех, кого осудили,
Равно осуществляют правосудие,
В работе их никаких ошибок нельзя заметить⁴³.

Соотнесение судей с глазами у Лидгейта повторяет троп Иоанна Солсберийского, таким образом продолжая существующую традицию, но, как можно увидеть, метафора Лидгейта отличается от олицетворявшей правосудие шеи из «Описания частей тела человека». Затем поэт обращает особое внимание на горожан, которых он соотносит с бедрами политического тела:

В образе том представляется тело,
Союз сословий (*degrees*) и людей.
Его прекрасные бедра и равные им колени
Сословием (*estatis*) являются, что правит городской общиной,
Это мэры, провосты и горожане,
Торговцы также, что скитаются в чужих землях,
С ремесленниками вместе, что живут ручным трудом⁴⁴.

---

41 «Set in trewe ordre, as Nature hath prouided. / So that all errors thoruh craftt be circumcided: / The hed set hiest þe custom, as men knowe, / The bodi amynd, the feet benethe lowe». *Lydgate J. A Chapitle descryuynge how prynces beyng hedis of ther comountees...* // *Lydgate's Fall of princes: en 4 t.* / Ed. by Henry Bergen. T. I. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1923. P. 222.

42 «Mihti pryncis for ther hih renoun, / As most worthi shal ocupie the hed». *Ibid.* P. 223.

43 «Prudent iuges, as it is skele and riht, / To punshe wrong and surfetis to redresse, / In this ymage shal ocupie the siht: / For loue or hate, bi doom off rihtwisnesse, / For freend or fo his iugementis dresse, / So egali the lawes to susteene, / In ther werkis that noon error be seene». *Ibid.*

44 «Mid this ymage there is a bodi set, / An agregat off peeplis and degrees, / Be parfit pes and vnyte I-knet / Bi the estatis that gouerne comountees, / As meires, prouostes & burgeis in citees, / Marchauntis also, which seeke sundri londis / With othir crafttis which lyuen bi ther hondis». *Ibid.*

Третье сословие оказывается достаточно дифференцированным: есть городская верхушка — состоятельные бюргеры, члены магистратов, вслед за ними Лидгейт располагает купцов, ну а низшими в этой иерархии оказываются ремесленники, *laboratores*, — их ручной труд сближает их с земледельцами. Как тело, о здоровье которого заботится его владделец, не чувствует «ни боли, ни нарушения гуморов», так и правильно управляемое политическое тело будет богатеть, ведь мудрые правители не допустят «споров» и «восстаний», которые бы не позволили их подданным преумножить свое состояние.

Любопытным расхождением метафоры Лидгейта со схожими примерами, обнаруживаемыми у современников, является обращение к образу души политического тела — клира. Он пишет: «Это тело должно иметь душу живую, / Которая вливает жизнь в части тела движениями, исходящими от нее, / Душа эта должна состоять из людей, привычных к созерцательной жизни»⁴⁵. Людьями этими являются, естественно, представители Церкви, которым автор предписывает быть примером добродетели и милосердия для всех остальных, подобно «сиянию звезд» (*as sterris shyne*) на небосклоне. От праведности их жизни зависит состояние политического тела: порицая пороки и наставляя мирян, они поддерживают здоровье в социальном организме. Последними, на ком сосредотачивает свое внимание поэт, ожидаемо становятся земледельцы — ступни и голени, — «которые не должны быть презираемы». Лидгейт повторяет мысль, высказанную еще Иоанном Солсберийским: не следует смотреть свысока на крестьянский труд «ни королям, ни принцам», ибо он узаконен свыше: без «ступней» не устоять голове, как и «ступни» не видят, куда идут, без головы. Не обходится этот фрагмент поэмы и без характерной морали: королевство будет процветать, а его подданные — богатеть при условии выполнения своих функций всеми частями социума. Если принцы управляют страной правильно, пишет Лидгейт, а рыцари охраняют народ, чиновники судят справедливо и честно, и «вера с любовью в городах возрастает, / И святая Церковь в добродетели укрепляется, / И плуг своей работы не бросает / — Тогда пропорции сего образа прекрасно сочетаются»⁴⁶.

Итак, можно видеть, что большое количество авторов поэтических сочинений, рассуждая о государственном устройстве, обращаются к метафоре политического тела. Она не являлась авторским оригинальным образом, выступая скорее «общим местом» большинства произведений на социальную и политическую тематику, основной формой, в которую средневековые авторы облекают свои идеи о социуме, государстве, формах правления и праве. При этом идеи, вкладываемые в этот образ поэтами, могут различаться: он давал возможность согласовать идеи единства, взаимозависимости и неравенства одновременно, позволял сатирически и критически рассмотреть недостатки государственного управления. Так, метафора тела используется Эташем Дешаном в качестве яркого образа, драматически описывающего бедственное положение Французского королевства. Если французский поэт видит причину неурядиц в окружении короля, то Джон Гауэр возлагает вину за восстания и

45 «This bodi must haue a soule off liff / To quyke the membrs with gostli mociouns, / Which shal be maad off folk contemplatiff...» Ibid. P. 224.

46 «And feith in cites with loue be drawe a-long, / And hooli cherche in vertu be maad strong, / And in his labour the plough ne feyne nouht, — / Thanne be porporcioun this ymage is weel wrouht». Ibid.

неупорядоченность общественной жизни на подданных, пораженных пороками жадности и праздности. В большей части произведений образ тела становится наглядным воплощением «гармонии в неравенстве» — так, Кристина де Пизан и Джон Лидгейт рисуют картину идеального изначального миропорядка, где важны и необходимы все части тела, то есть все сословия, но главенствующую роль в описываемой структуре должен играть монарх.

Библиография / References

- Бычков П.С.* Структура идеального социума в «Книге о политическом теле» Кристины де Пизан (1406–1407 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 1 (135) (URL: <https://history.jes.su/s207987840030199-7-1/>).
- (Bychkov P.S.* Struktura ideal'nogo sociuma v «Kniге о politicheskom tele» Kristiny de Pizan (1406–1407 gg.) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2024. Vol. 15. № 1 (135) (URL: <https://history.jes.su/s207987840030199-7-1/>).
- Воскобойников О.С.* Сколько тел у короля? // Логос. 2014. № 3 (99). С. 279–288.
- (Voskobojnikov O.S.* Skol'ko tel u korolya? // Logos. 2014. № 3 (99). P. 279–288.)
- Воскобойников О.С.* Шартрская школа: авторы, тексты, проблемы // Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Сост. О.С. Воскобойников, пер. О.С. Воскобойникова, Р.Л. Шмакова, П.В. Соколова. М.: Наука, 2018. С. 309–311.
- (Voskobojnikov O.S.* Shart'skaya shkola: avtory, teksty, problemy // Shart'skaya shkola. Gil'om Konshskij. Filosofiya. Teodorih Shart'skij. Traktat o shesti dnyah tvoreniya. Bernard Silvestr. Kosmografiya. Astrolog. Kommentarij na pervye shest' knig «Eneidy». Alan Lill'skij. Plach Prirody. Moscow, 2018. P. 309–311.)
- Евдокимова Л.В.* Французская поэзия позднего Средневековья (XIV — первая треть XV века). М.: Наука, 1990.
- (Evdokimova L.V.* Francuzskaya poeziya pozdnego Srednekov'ya (XIV — pervaya tret' XV veka). Moscow, 1990.)
- История тела: В 3 т. / Пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (Histoire du corps: In 3 vols. Vol. 1: De la Renaissance aux Lumières. Moscow, 2017 — In Russ.)*
- Канторович Э.* Два тела короля: Исследования по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- (Kantorovich E.* The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology. Moscow, 2015 — In Russ.)
- Фавье Ж.* Столетняя война / Пер. М. Некрасова. СПб.: Евразия, 2009.
- (Favier J.* La Guerre de Cent Ans. Saint Petersburg, 2009 — In Russ.)
- Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989.
- (Hachaturyan N.A.* Soslovnaya monarhiya vo Francii XIII–XV vv. Moscow, 1989.)
- Adams T.* The Life and Afterlife of Isabeau of Bavaria. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010.
- Born L.K.* The Perfect Prince: A Study in Thirteenth- and Fourteenth-Century Ideals // Speculum. 1928. Vol. 3. № 4. P. 470–504.
- Famiglietti R.C.* Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392–1420. New York: AMS Press, 1986.
- Harf-Lanchner L.* L'isopet médiéval et la fable de La Fontaine: Les Membres et l'Estomac // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 1998. № 10. P. 39–45.
- Wickert M.* Studies in John Gower / Trans. by Robert J. Meindl. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2016.